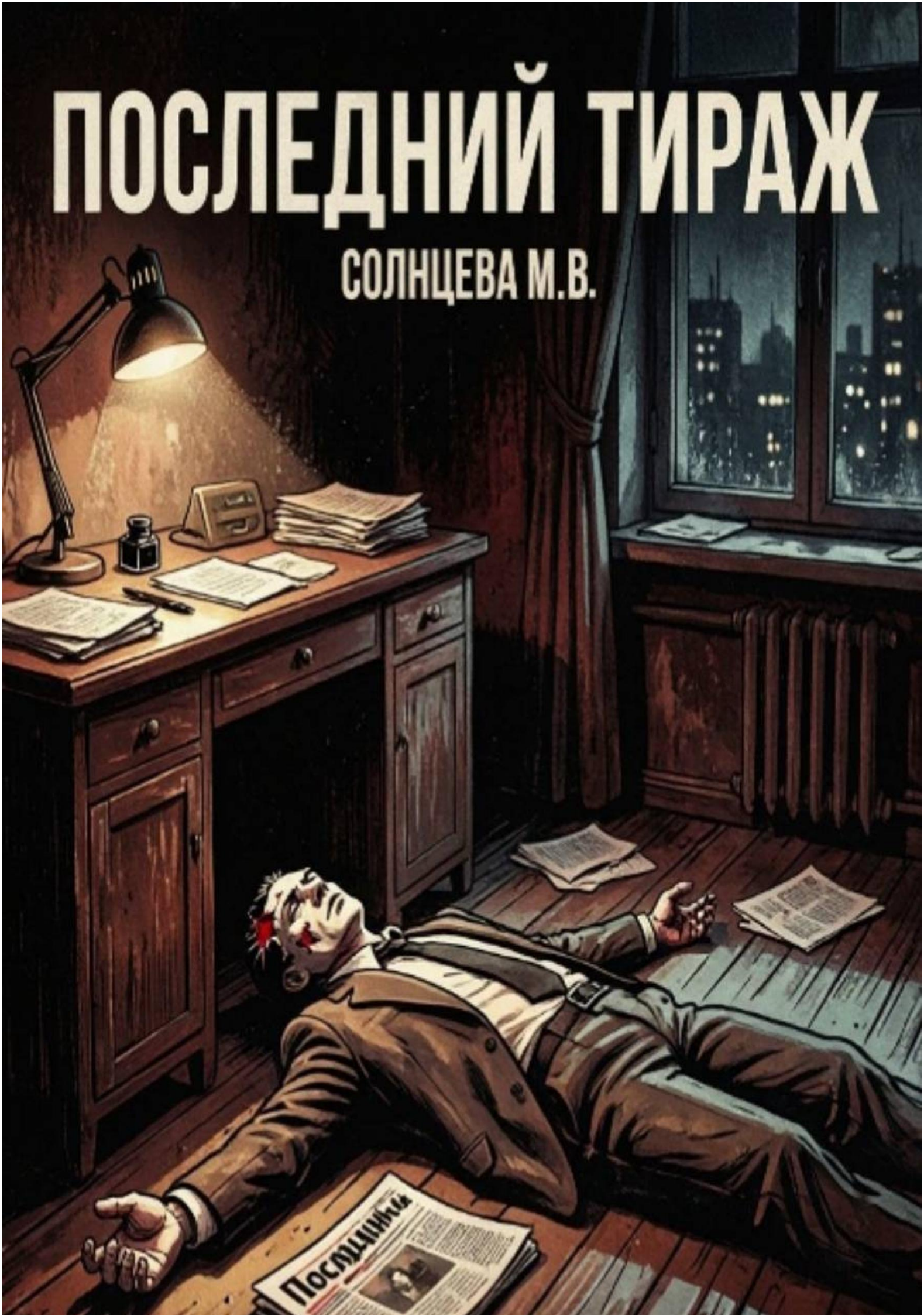
ПОСЛЕДНИЙ ТИРАЖ

СОЛНЦЕВА М.В.



Маргарита Солнцева

Последний тираж

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Последний тираж / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Редактора районной газеты нашли в кабинете с пробитой головой и с номером, который он не успел подписать. Тираж отпечатали в ту же ночь — без него. И в этом тираже не хватает одного абзаца, о котором знали ровно двое.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сюжет 5
Глава первая. Номер, который ушёл 6
Глава вторая. Вера Павловна и её запятые 8
Глава третья. Три тысячи четыреста 10
Глава четвёртая. «В семь ровно» 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Маргарита Солнцева
Последний тираж

Сюжет

Редактора районной газеты нашли в кабинете с пробитой головой и с номером, который он не успел подписать. Тираж отпечатали в ту же ночь — без него. И в этом тираже не хватает одного абзаца, о котором знали ровно двое.

Главные герои: Тоня Шило, двадцать четыре года, верстальщица; Аркадий Мезенцев, шестьдесят два, редактор, двадцать девять лет в «Заре»; Вячеслав Кислов, сорок четыре, заместитель редактора, улыбчивый, с телефоном в двух руках; Вера Павловна Синицына, шестьдесят один, корректор; Слава Бобылёв, водитель, возит тираж и знает, кто сколько забирает; следователь Овчинникова, у которой в районе триста дел.

Глава первая. Номер, который ушёл

Номер уходил в типографию в среду, в двадцать три ноль-ноль, и это было единственное время в редакции, когда никто никому не звонил.

Тоня отправляла полосы по сети: папка «ЗАРЯ_47», шесть файлов, каждый проверен по три раза. Первая полоса — письмо от главврача про закрытие детского отделения. Четвёртая — про дорогу на Заречье, которую делали два года и не сделали. Восьмая — объявления, некрологи, погода и телепрограмма.

Редактор сидел у себя, в кабинете с зелёной лампой, и пил чай из стакана с подстаканником, который ему подарили на пятидесятилетие.

— Тоня, ты куда поставила про дорогу? — спросил он через стенку.

— На четвёртую, как всегда.

— Не «как всегда», а «как надо», — сказал он. — Про дорогу надо было на первую. Скажи Кислову, чтобы написал передовицу, и поставь про дорогу колонкой.

Кислов вошёл в этот момент, с телефоном в одной руке и с другой — в кармане, в пальто, которое он не снимал даже в редакции, потому что «в городе должны видеть, что я на ногах».

— Вячеслав Андреевич, — сказала Тоня, — Аркадий Львович говорит, передовицу надо.

— Сейчас напишу, — сказал Кислов и посмотрел на Мезенцева. — Аркадий Львович, у нас же про дорогу в четвертой, всё согласовано.

— С кем согласовано?

— С жизнью, — сказал Кислов и засмеялся.

Мезенцев не засмеялся. Он поставил стакан так, что подстаканник звякнул, и сказал:

— Вячеслав, я тебя двадцать лет прошу. Не надо с жизнью. Надо с фамилией. Кто подрядчик, сколько денег, кто подписал, когда.

— Так написано же, — сказал Кислов. — Всё есть.

— Написано так, что фамилию видно, а подпись нет.

Тоня в тот вечер вышла в двадцать три сорок, последняя, потому что полосы ушли. Она закрыла редакцию, посмотрела на окно второго этажа: там ещё горела зелёная лампа.

Утром, в четверг, в девять двадцать, она пришла, открыла дверь своим ключом и почувствовала запах.

Не сильный — так пахнет в комнате, где всю ночь горела лампа и остывал чай. И ещё чем-то тяжёлым, тёплым.

Мезенцев лежал у шкафа с подшивками, лицом вниз, в своей серой жилетке, и рядом с его головой лежала металлическая линейка для вёрстки, тяжёлая, с пробковой полоской снизу, чтобы не скользила. У линейки был скол на конце, и Тоня машинально подумала: «Надо заказать новую, этой уже не отстирать».

Потом её вырвало в редакционный кулер, и это было единственное, что она сделала за следующие пять минут.

Овчинникова приехала через час, в своём пальто с двумя шарфами, и сказала то, что говорят всегда:

— Ничего не трогай. Тоня, ты сколько тут сидишь? Пять минут? Отойди на пять и не трогай ничего.

— Он жив?

— Он умер, — сказала Овчинникова. — Часа в два, может, в три. Скажи мне, кто ещё заходил.

— Никто, — сказала Тоня. — У него только Кислов мог.

— Мог ходить?

— Мог всё, — сказала Тоня.

В редакцию вошёл Кислов, в пальто, с телефоном, и остановился на пороге, и лицо у него было не испуганное, а растерянное, как у человека, который готовился говорить, а его попросили помолчать.

— Вячеслав Андреевич, — сказала Овчинникова. — Когда вы ушли вчера?

— В семь, — сказал Кислов. — В семь ровно. У меня машина на юбилее стояла, спросите хоть у Толика.

— Кто последним видел Аркадия Львовича?

— Я видела, — сказала Тоня. — В двадцать три сорок. У него свет горел.

— А я не видел, — сказал Кислов быстро. — Уходя, я не смотрел. Свет горел, наверное, он всегда горит.

Он был прав: лампа горела всегда. В этом городе вообще всё горело всегда, чтобы не думали, что не работают.

В типографию номер ушёл ночью, в двадцать три ноль-ноль, и в четверг в шесть утра его отпечатали, потому что типография не знала, что редактор умер, а знати не обязана.

Тираж привёз Слава Бобылёв в девять, когда в редакции стояли Овчинникова, врач скорой и человек из администрации, и никто не знал, что делать с тремя тысячами четырьмястами экземплярами.

Тоня взяла свой экземпляр и развернула. На первой полосе стояла передовица Кислова: «Дорога, которую ждали двенадцать лет», и в ней было хорошо, гладко и ни одной фамилии.

А четвёртая полоса была не та.

Глава вторая. Вера Павловна и её запятые

Вера Павловна Синицына приходила в редакцию в восемь, за два часа до всех, потому что «пока никого нет, можно думать».

Она снимала пальто, вешала его на спинку стула, ставила на стол термос, доставала папку с гранками и начинала читать.

Тоня впервые увидела её в тот день, когда пришла на практику: сидит женщина в шерстяной кофте, с двумя карандашами за ухом, и правит текст, шевеля губами.

— Здравствуйте, — сказала Тоня. — Я на практику.

— Знаю, — сказала Вера Павловна, не поднимая головы. — Вас Мезенцев взял, потому что у вас в дипломе «вёрстка» написано, а он верит в слова.

— А вы не верите?

— Я верю в запятые, — сказала Вера Павловна. — Запятая — это то, что человек делает, когда не думает. По запятой видно всё: где он устал, где ему скучно, где он списывал.

Тоня тогда подумала, что это странная женщина, и потом, через полтора года, вспоминала это как начало всего.

Работали они в разных концах: Тоня — за компьютером у окна, Вера Павловна — за столом у шкафа с подшивками. Между ними было семь метров и двенадцать лет, в течение которых они не разговаривали ни о чём, кроме текста.

— Тоня, у вас в третьем абзаце «так же» слитно.

— Исправлю.

— И «в течение» — не «в течении». Это дорога, а не река.

— Поняла.

Так прошёл год. Вера Павловна знала про Тоню ровно то, что было написано в её текстах: что она аккуратная, что она боится начальства, что она пишет короткими абзацами, потому что читает с телефона.

А Тоня про Веру Павловну знала ещё меньше: что у неё умер муж, что она живёт в двухкомнатной на Заводской, что у неё есть сын, который «в городе», и что она двадцать семь лет правит чужие ошибки, а свои не пишет вовсе.

Всё изменилось в четверг, после убийства.

Тоня сидела в редакции, потому что не могла сидеть дома, и Вера Павловна сидела тоже, потому что не могла иначе, и в какой-то момент они оказались единственными живыми людьми в комнате, где лежал мёртвый.

— Выпейте чаю, — сказала Вера Павловна. — У меня есть.

— Не хочу.

— Никто не хочет. Пейте.

Чай был крепкий и сладкий, как в детстве, и Тоня выпила стакан и вдруг заплакала, а Вера Павловна сидела рядом и не говорила «не плачь», а просто ждала, и от этого было легче.

— Он мне как отец был, — сказала Тоня.

— Нет, — сказала Вера Павловна. — Отец вам был отец. А Мезенцев был редактор, и он вас держал, потому что вы хорошо верстаете и потому что ему было скучно с остальными.

— Это плохо?

— Это честно, — сказала Вера Павловна. — Он был честный человек. Он двадцать девять лет писал про всё, кроме того, про что нельзя, и мучился этим так, что пил. А пил он потому, что понимал: он не может.

— Он мог бы уехать.

— Куда? — Вера Павловна посмотрела на неё. — В городе таких, как он, триста. А здесь он один. Здесь его читают в очереди.

Она помолчала и добавила:

— Вы знаете, что он мне сказал в среду? Он сказал: «Вера, я в этот раз напечатаю». И я сказала: «Аркадий Львович, не надо». Я, Тоня, сказала «не надо».

— Почему?

— Потому что я знала, что будет, — сказала Вера Павловна. — Я двадцать семь лет работаю в этом городе. Я знаю, кто с кем здоровается. И я подумала: ну напечатает, потом ему позвонят, потом он будет сидеть и пить. И я сказала «не надо».

Она взяла свой термос, отвинтила крышку, посмотрела внутрь и завинтила обратно.

— Так что я вам не помощник, — сказала она. — Я вам соучастник.

— Вы не…

— Я знаю, что я не, — сказала Вера Павловна. — Но я буду с вами. Потому что если я двадцать семь лет правила чужие запятые, то один раз я могу поставить свою.

С этого дня они работали вместе: Тоня — с файлами и версиями, Вера Павловна — с памятью.

Она помнила, что в сорок седьмом номере на четвёртой полосе было другое начало, потому что в ночь сдачи ей позвонили в час ночи и сказали: «Вера Павловна, гляньте, там всё в порядке?» — и она встала, надела халат, дошла до редакции и правила текст, которого утром в номере не было.

Она помнила, что у Кислова была привычка: когда он врал, он не смотрел в глаза, а смотрел на телефон. И что в ту среду он три раза посмотрел на телефон.

Она помнила, что в редакции с девяносто восьмого года лежит папка с договорами, и Кислов её никогда не отдавал в бухгалтерию, потому что «там мои личные».

И ещё она помнила, как выглядит человек, который впервые в жизни боится: он начинает говорить быстро и говорит лишнее.

— Тоня, — сказала она однажды. — Вы понимаете, что мы делаем?

— Ищем.

— Нет, — сказала Вера Павловна. — Мы делаем газету. Мы единственные, кто её делает, потому что редактора нет, а Кислов думает, что он уже редактор. И если мы сделаем номер, он не сможет его не выпустить.

Она достала из папки лист и положила перед Тоней. На листе был текст: восемь абзацев, реконструкция дороги, подрядчик, смета, субподряд.

— Откуда это?

— Из корзины, — сказала Вера Павловна. — Я двадцать семь лет складываю в папку то, что выбрасывают. Называется «на всякий случай».

Тоня смотрела на восемь абзацев и понимала, что это и есть та самая статья, из-за которой убили человека, и что теперь она лежит на столе, между термосом и коробкой скрепок.

— Нам конец, — сказала она.

— Нам конец, если мы не напечатаем, — сказала Вера Павловна. — А если напечатаем, нам, может быть, только работу поменяем.

Глава третья. Три тысячи четыреста

В четверг в восемь двадцать Тоня вошла в редакцию и первым делом посмотрела на полку у двери: пачка свежих номеров лежала на месте, перетянутая шпагатом, и на верхнем экземпляре ещё не просохла краска.

Тираж привозят в семь. Бобылёв приезжает на своей «Газели», ставит три коробки, расписывается в накладной, выпивает стакан воды из кулера и уезжает, и всё это занимает одиннадцать минут.

— Уже привезли? — спросила Тоня у сторожа.

— В семь ноль пять, — сказал сторож Палыч. — Слава торопился, говорит, в район ещё ехать.

Тоня взяла верхний номер и развернула.

«ЗАРЯ. Общественно-политическая газета Зареченского района. 47 (6 314). Четверг, 21 ноября».

Она посмотрела на первую полосу: «На Заречье пришла большая вода — жители ждут большую дорогу». Материал Кислова, сорок строк, с фотографией мокрого перекрёстка.

Потом посмотрела на четвёртую: юбилей библиотеки имени Чехова, шестьдесят лет, приглашаются все.

Тоня стояла с газетой в руках и не понимала, что её смущает, — а смущало её то, что она не помнит, как ставила библиотеку на четвёртую.

Она пошла к себе, включила компьютер, открыла папку «ЗАРЯ_47» — и в этот момент из кабинета редактора вышел Кислов.

— О, — сказал он. — Тоня. Хорошо, что ты пришла.

Он был в том же пальто, с тем же телефоном, только лицо у него было не своё: серое, будто он не спал, и держался он за косяк, как держатся за поручень в автобусе.

— Там Аркадий Львович, — сказал он. — Не заходи. Я вызвал.

— Что «там»?

— Не заходи, — повторил Кислов и посмотрел на телефон.

Тоня всё-таки зашла.

Редактор сидел в своём кресле, откинувшись, и на первый взгляд было похоже, что он заснул: голова набок, рука на подлокотнике, стакан с подстаканником на столе. И только когда она подошла на два шага, она увидела, что у него на виске и на седых волосах засохла кровь, и что стакан не пустой, а полный, и что чай в нём остыл настолько, что сверху лежит плёнка.

Рядом с креслом, на полу, лежала металлическая линейка.

Не обычная, а та самая: тяжёлая, длиной в полметра, с миллиметровыми делениями, с надписью «Сделано в СССР». Её держали у окна, чтобы прижимать гранки, и Мезенцев ею пользовался, когда правил: водил по строкам, чтобы не сбиваться.

Тоня стояла и смотрела на линейку, и в голове у неё было одно слово, глупое и точное: «Три тысячи четыреста».

— Тоня, — сказала Вера Павловна от двери. — Выйдите.

— У него кровь.

— Я знаю. Выйдите, — сказала Вера Павловна твёрдо, и Тоня вышла.

В коридоре Кислов уже говорил по телефону, прикрывая трубку ладонью:

— …нет, не скорая, милиция… я говорю, у нас редактор умер… нет, не сам… ну откуда я знаю, я пришёл, а он…

Овчинникова приехала в девять сорок, с участковым и с сумкой, и первое, что она сделала, — попросила всех сесть в комнате для совещаний и не вставать.

Ей было под пятьдесят, она была в куртке не по форме, в очках на цепочке и с папкой, на которой шариковой ручкой было написано «47-я».

— Кто первым зашёл в кабинет? — спросила она.

— Я, — сказал Кислов.

— Во сколько?

— В восемь. Мы открываемся в восемь, я прихожу первый, потому что… ну, я заместитель.

— Хорошо, — сказала Овчинникова. — Вошли, увидели, что дальше?

— Позвал сторожа, потом позвонил вам.

— Сторож заходил?

— Нет.

— Кто-то ещё входил в кабинет до меня?

Кислов помолчал.

— Тоня вошла, — сказал он. — Она не знала. Я ей не успел сказать.

Овчинникова посмотрела на Тоню.

— Так.

— Я тротуары не трогала, — сказала Тоня. — Я даже не подошла. Я стояла, где сейчас.

— Между ней и трупом есть следы? — спросила Овчинникова у кого-то за дверью, и не получила ответа, и записала себе.

Потом она села напротив и стала спрашивать по очереди: когда ушёл в среду, что делал вечером, кто что видел.

Тоня рассказывала про полосы, про 23:00, про то, как редактор просил про дорогу на первую, и Овчинникова записывала, а потом сказала:

— Вы отправили номер в типографию в одиннадцать вечера?

— Да, по сети, у нас теперь так. Типография в Полозаводске, восемьдесят километров, но файлы идут сразу.

— Во сколько ушла домой?

— В двадцать три сорок, — сказала Тоня. — Точнее, в одиннадцать сорок пять — редактор сказал «иди, я допечатаю».

— Аркадий Львович остался один?

— Да.

— То есть вы ушли в 23:45, а утром нашли его мёртвым, — сказала Овчинникова. — И вы не позвонили ему вечером.

— Позвонила, — сказала Тоня. — В ноль тридцать. Он не взял.

— А в час?

— В час я уже спала.

Овчинникова подняла голову.

— Зачем позвонили в ноль тридцать?

Тоня протянула ей распечатку сервера печати — лист, который она вытащила из принтера до того, как вошла в кабинет.

— Вот, — сказала она. — В ноль тридцать один на сервере было последнее изменение файла четвёртой полосы. С моего логина. А я в это время шла домой по улице Свободы, потому что у нас там фонари не горят с осени и я под них не встаю.

Кислов, сидевший в углу, сказал:

— Тоня, ну зачем ты это сейчас… Может быть, ты ушла позже, ты же не помнишь.

— Я помню, — сказала Тоня. — Я помню, потому что по дороге встретила Славу Бобылёва, он ставил у магазина коробки на тележку, и мы сказали друг другу «здрасьте».

Овчинникова записала и это.

К вечеру четверга в редакции знали четыре вещи.

Первое: редактора ударили по голове тупым металлическим предметом с прямым краем, и линейку с пола забрали в пакет.

Второе: смерть наступила между половиной первого и половиной второго ночи — так сказал врач по температуре и по чему-то ещё, о чём он говорил быстро и не для всех.

Третье: из кабинета ничего не пропало — ни деньги из ящика, ни старый приёмник, ни бутылка в нижнем шкафу.

И четвёртое: номер вышел. Три тысячи четыреста экземпляров, отпечатано в две двадцать, привезено в семь ноль пять, лежит пачкой у двери.

— Его же не подписывают после смерти, — сказал Палыч вечером. — Номера-то подписывают заранее.

— Заранее, — сказала Вера Павловна. — Только подпись ставят в типографии на выходе.

Домой Тоня не пошла. Она сидела за своим компьютером в пустой редакции, где в кабинете редактора уже никого не было, а на полу остался светлый прямоугольник от ковра, который увезли вместе с креслом.

Палыч принёс ей чай в гранёном стакане и сказал:

— Ты это, не сиди тут ночью. Тут теперь…

— Я работу делаю, — сказала Тоня.

Она действительно делала работу: открыла папку «ЗАРЯ_47» и стала смотреть файлы.

Шесть полос. Первая, вторая, третья, четвёртая, пятая, восьмая. Каждая — в двух форматах: рабочий и «в печать». Она открыла четвёртую «в печать» и стала читать сверху.

Дорога. Материал на сорок строк: «Реконструкция участка Заречье — Мостовое должна была закончиться в 2023 году. В 2024-м её продлили. В 2025-м подрядчик зашёл на второй круг…»

Тоня читала и не понимала. Она помнила этот текст. Она помнила, что ставила его на четвёртую полосу, в правый нижний угол, под фото мокрого перекрёстка.

А в том, что лежало на полу у двери, на четвёртой полосе в правом нижнем углу был юбилей библиотеки.

Она взяла газету, разложила на столе и стала считать.

Восемь абзацев. Реконструкция. Подрядчик «Заречстройпроект». Смета 84 миллиона. Субподряд. Сорок строк.

В номере не было тридцати восьми из них. В номере было две строки: «На четвёртой полосе — материал о юбилее библиотеки имени А. П. Чехова. Читайте на стр. 6».

Тоня сидела над газетой и думала о том, как это могло случиться, и не находила ответа.

Она отправила файл в 23:00. Она видела, как он ушёл: полоска загрузки, «передано 6 из 6», и надпись «Успешно».

Значит, файл ушёл правильный.

Значит, в типографии его заменили? Но в типографии никто не станет менять полосу по своей воле; в типографии печатают то, что пришло.

Значит, файл ушёл правильный, но не тот, что она верстала.

Тоня открыла свойства файла и посмотрела дату изменения. Двадцать первое ноября, ноль тридцать одна. Размер: на двенадцать килобайт меньше, чем у того, что она помнила.

Она выключила компьютер, потому что руки начали дрожать, и посидела минуту с закрытыми глазами.

Потом включила снова.

В редакции был старый сервер печати, серый ящик под столом у окна, к которому все относились как к батарее: он работал, гудел, и его никто не выключал с две тысячи девятнадцатого года. Он держал очередь печати и заодно, по привычке тогдашнего системного администратора, писал журнал: какой файл, с какого компьютера, когда.

Тоня открыла журнал.

Двадцать третье ноября, среда.

23:41 — ТОНЯ-PC — ZARYA_47_p4.indd — отправлено в очередь печати.

23:47 — ТОНЯ-PC — ZARYA_47_p4.pdf — создан.

23:52 — KISLOV-PC — ZARYA_47_p4.indd — открыт.

01:14 — KISLOV-PC — ZARYA_47_p4.indd — сохранён.

01:16 — KISLOV-PC — soglasovanie.pdf — создан.

01:18 — KISLOV-PC — ZARYA_47_p4.pdf — создан.

01:20 — KISLOV-PC — ZARYA_47_p4.pdf — отправлено в очередь печати.

01:22 — принтер Canon iR — печать завершена, 14 страниц.

Тоня смотрела на эти строки, и в комнате было очень тихо, и было слышно, как в углу гудит сервер.

Кислов открыл четвёртую полосу в 23:52 — через семь минут после того, как она ушла, и за девять минут до того, как номер был отправлен в типографию.

Кислов сохранил её в 01:14.

Кислов сделал из неё PDF в 01:18.

И в 01:20 отправил.

Значит, номер, который вышел, ушёл не от неё.

Она заставила себя встать, налить воды из кулера, выпить, сесть обратно.

Потом взяла телефон и позвонила Вере Павловне.

— Вера Павловна, — сказала она. — Я знаю, кто отправил номер.

На том конце долго молчали. Потом Вера Павловна сказала:

— Тоня, вы сейчас в редакции?

— Да.

— Никому не говорите. Ни следователю, ни Кислову. Утром вы придёте ко мне домой, и мы с вами посмотрим запятые.

— Какие запятые?

— В номере, — сказала Вера Павловна. — Тоня, милая, в номере кто-то правил текст. А правил он его быстро, руками, без вычитки. Значит, там остались следы. Люди, Тоня, всегда оставляют в тексте себя.

В пятницу утром в редакции пахло валерьянкой и мокрыми куртками.

К десяти собрались все: Тоня, Вера Павловна, бухгалтер Галина Петровна, которая вела «Зарю» с девяносто шестого и знала зарплату каждого с точностью до рубля, рекламный агент Лена, три внештатных автора, Палыч и Слава Бобылёв, который приехал не по делу, а потому что «не привык, чтобы в такой день ехали мимо».

В одиннадцать пришёл Кислов — в костюме, с папкой, с причёской, и Тоня впервые за полтора года увидела, что он умеет выглядеть как начальник.

— Так, — сказал он. — Слушаем меня. Учредитель в курсе. Номер 48 выходит во вторник, как положено, и он выйдет. Пока обязанности исполняю я, потому что кто-то должен.

Он обвёл всех глазами и остановился на Тоне.

— Тоня, у тебя сорок восьмой в работе?

— В работе.

— Вот и работай. Первая полоса: я напишу сам, про Аркадия Львовича. Некролог — Вера Павловна, вы же его знали дольше всех, у вас получится по-человечески. Дальше — как обычно.

— А что с милицией? — спросила Лена.

— А что с милицией? — Кислов пожал плечами. — Милиция разбирается. Нас это не касается. Мы газета, а не следствие.

Он сказал это очень спокойно, и именно от спокойствия у Тони внутри что-то сжалось.

— Вячеслав Андреевич, — сказала Вера Павловна. — А вы в среду вечером где были?

Все замолчали.

Кислов посмотрел на неё, потом на телефон, потом опять на неё.

— Вера Павловна, вы что, меня спрашиваете?

— Спрашиваю.

— Я был на юбилее, — сказал он. — В доме культуры, у Галины Петровны, между прочим, день рождения был, шестьдесят лет. Спросите у неё.

Галина Петровна кивнула:

— Был, конечно. Мы ушли около десяти.

— В семь ровно, — сказал Кислов, и почему-то это уточнение прозвучало так, будто он его отрепетировал. — Я в семь ровно приехал, у меня машина на юбилее стояла.

— А уехали когда? — спросила Вера Павловна.

— А это уже не ваше дело, — сказал Кислов и улыбнулся, и улыбка у него была та самая, двадцатилетняя, обаятельная, которой он продавал рекламу и которой в этом городе снимал любой вопрос. — Вера Павловна, вы мне тут допрос устроили? В газете? При людях?

— При людях, — согласилась Вера Павловна. — Так вернее.

Тоня смотрела на них и понимала, что видит то, чего никогда раньше не видела: как два человека, двадцать лет проработавшие в семи метрах друг от друга, вдруг оказываются по разные стороны стола.

— Ладно, — сказал Кислов. — Работаем. Всем спасибо.

Он ушёл к себе — то есть в кабинет Мезенцева, из которого вынесли кресло, а на столе осталась зелёная лампа и подставка от стакана.

Тоня пошла к Вере Павловне.

Та сидела над гранками и правила — не номер, а некролог, который ей велели написать.

— Вера Павловна.

— Сядьте, — сказала Вера Павловна, не поднимая головы. — И не смотрите на меня так, будто я выиграла, а вы проиграли. Я ничего не выиграла.

— Он же сказал «в семь ровно», — сказала Тоня. — Зачем? Его никто не спрашивал про семь. Он сам сказал.

Вера Павловна отложила карандаш.

— Вот, — сказала она. — Вот вы и научились. Человек, когда врёт, всегда добавляет точность. Ему кажется, что точность — это правда. Жена спрашивает: «Ты где был?» — а он отвечает: «В гараже, в шесть сорок пришёл». Не «в гараже», а «в шесть сорок». И всё, он попался.

— И что теперь?

— Теперь мы найдём, где он был в шесть сорок, — сказала Вера Павловна. — И где он был в час.

Вечером Тоня пришла домой, села на кухне и полчаса смотрела в стену.

Её квартира была съёмная, одна комната на втором этаже, с видом на автостанцию, и на подоконнике стоял кактус, который ей оставила прежняя жиличка вместе с фразой «он не помрёт».

Тоне было двадцать четыре года. У неё был диплом «Издательское дело и редактирование», полторы тысячи в кармане, мать в райцентре, которая звонила по воскресеньям, и работа, которую она получила потому, что в городе больше не было работы с дипломом.

И ещё у неё был номер вёрстки: «ЗАРЯ_48», пустой, с шестью полосами, на которых пока стояли только рубрики.

Она открыла ноутбук, потом закрыла. Потом открыла снова.

«В семь ровно», — сказал Кислов. «У меня машина на юбилее стояла».

Тоня взяла телефон и написала Вере Павловне:

«А у ДК есть камера?»

Ответ пришёл через минуту:

«У ДК нет. У входа в парк культуры есть, на столбе, от Ростелекома. Но она смотрит на афишу. И ещё одна у магазина Берёзка, он напротив. Спросите Бобылёва, он там каждый день возит хлеб».

Тоня долго смотрела на это сообщение.

Потом написала:

«Вера Павловна, а почему вы всё это знаете?»

И Вера Павловна ответила так, что Тоня потом много раз это вспоминала:

«Потому что я двадцать семь лет ставлю запятые в маленьком городе. Про людей я знаю меньше, чем про запятые. Но про камеры, милая моя, я знаю всё».

В субботу Овчинникова приехала в редакцию сама, без вызова, и застала Тоню над сорок восьмым номером.

— Работаете? — спросила она, снимая шапку.

— Работаю.

— А я думала, вы неделю не сможете, — сказала Овчинникова и села на стул для посетителей. — Я вот двадцать два года работаю и до сих пор не привыкла. А вы, значит, можете.

— Я не могу, — сказала Тоня. — Я сижу и делаю, потому что если не делать, то я сижу и думаю.

Овчинникова кивнула, будто услышала что-то важное, и достала из папки лист.

— У меня к вам три вопроса, Шило. Первый: в редакции есть кто-то, кто мог отправить номер в типографию, кроме вас?

Тоня помолчала.

Всё, что она знала, лежало в её сумке: распечатка журнала сервера, снятая в четверг вечером, одиннадцать строк, из которых девять были приговором.

— Отправить может любой, у кого есть доступ к папке, — сказала она. — Но обычно отправляю я.

— Обычно, — повторила Овчинникова. — А необычно?

— Необычно — это когда номер уходит не тот.

Овчинникова подняла на неё глаза, и Тоня поняла, что следователь это уже знает.

— Вы сравнили?

— Сравнила.

— И?

— В номере нет материала про дорогу, — сказала Тоня. — Того, который я ставила. Вместо него — библиотека. Я не знаю, как это получилось. Я отправила файл в одиннадцать вечера, он ушёл целиком, шесть полос.

— Значит, файл заменили в типографии?

— В типографии нет никого, кто стал бы это делать, — сказала Тоня. — Там ночная смена — три человека, они работают по заказу. У них даже нет нашей программы.

Овчинникова записала, потом закрыла папку и сказала:

— Тоня. Я вам сейчас скажу одну вещь, и вы её запомните. Я в этом районе одна, у меня триста дел, и по каждому из них мне положено сорок часов, а получается четыре. Поэтому я не буду ходить вокруг. Если у вас есть что-то, что вы мне не отдали, — отдайте сейчас. Потом будет поздно: тот, кто это сделал, тоже умеет считать время.

Тоня посмотрела на неё и вдруг поняла, что Вера Павловна была права, когда говорила «не говорите никому», а ещё поняла, что права она была насчёт другого: не говорить — это когда ты знаешь, кого боишься. А она не знала.

— У нас есть сервер печати, — сказала Тоня. — Он пишет журнал. Кто, когда и что открывал.

Овчинникова села ровнее.

— И?

— Я вам покажу, — сказала Тоня и достала из сумки распечатку.

Овчинникова читала долго, водя пальцем по строкам, как читают люди, которые привыкли к бумаге.

— 23:52 — Кислов, — сказала она наконец. — 01:14 — Кислов. 01:20 — отправлено.

— Да.

— Это его компьютер?

— Это его логин. Компьютер у него в кабинете, но система у нас общая, с сервером. Зайти можно с любого.

— Кто знает пароль?

— Я, — сказала Тоня. — И Кислов. И Палыч знает, потому что он включает по утрам. И Мезенцев знал.

— Значит, пароль знают четыре человека, — сказала Овчинникова. — И ещё тот, кто мог подсмотреть.

— Да.

— Хорошо, — сказала Овчинникова и встала. — Журнал я забираю. С вами я больше не разговариваю об этом без протокола.

— А что теперь?

— Теперь я поеду смотреть на камеры, — сказала следователь. — И, Тоня, ещё одна вещь. Не сидите в редакции одна после восьми.

Она ушла, и Тоня осталась в пустой комнате, где гудел сервер и где на стене висели двадцать девять лет подшивки в коричневых корешках.

Она посмотрела на них и подумала: двадцать девять лет. Каждый номер — в папке. И в каждом номере есть строчка, которую кто-то вычеркнул.

Тоня встала, подошла к шкафу, открыла стеклянную дверцу и вытащила первую попавшуюся подшивку — за две тысячи семнадцатый год.

Она не знала ещё, что делает. Она просто открыла и стала смотреть.

Глава четвёртая. «В семь ровно»

В понедельник Кислов собрал планёрку и объявил, что номер сорок восемь должен выйти к четвергу, и это будет «номер памяти».

— Мы не будем делать вид, что ничего не случилось, — сказал он, — но и хоронить газету не будем. Аркадий Львович не любил пафоса. Поэтому: первая полоса — некролог, вторая — его фотография с пятидесятилетия, где он в галстуке, шестая — соболезнования. И всё.

— А новости? — спросила Лена.

— А новости — как обычно, — сказал Кислов. — Дорога, отопление, ёлки.

Тоня подняла глаза.

— Дорога?

— А что тебя смущает?

— Материал про дорогу был на четвёртой. Его сняли.

— Его не сняли, — сказал Кислов спокойно. — Его не поставили, потому что не прошло согласование. Ты же знаешь, как у нас бывает: материал есть, а согласования нет.

— А кто согласовывает?

— Ну, заказчик, — сказал Кислов. — На Заречье есть заказчик, есть подрядчик, есть район. Ты же не думаешь, что я сам это решаю?

Он улыбнулся, и все закивали, и только Вера Павловна продолжала смотреть на гранки.

После планёрки Тоня вышла на улицу — подышать. Было холодно и сухо, в палисаднике у редакции стояли кусты акации, обвязанные от снега, и по тротуару шёл Слава Бобылёв с пустой тележкой.

— Слава!

— А.

— Ты в среду в ДК был?

Бобылёв остановился и посмотрел на неё.

Ему было тридцать восемь, у него было простое лицо и привычка отвечать не сразу, а через секунду, будто в голове у него работал счётчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.